

От Бухарина Н. И.

Тов. СТАЛИНУ.

95

Лично.

71

Дорогой Коба,

Я просто не знаю, что мне делать, что же мне делать? (официальное письмо членам ПБ при сем прилагаю). Как оперируют троцкистские мерзавцы против меня, я ясно вижу: ведь, например, при очной ставке со мной Сокольников ни слова не говорил о рютинской платформе. А теперь она у него появилась. Базис "подведен" (Сок. очевидно узнал показания Радека или кого либо из других). Разве мог бы он пропустить на очной ставке такой важнейший пункт?

То же и с обозленными "молодыми", поставленными к тому же в тяжкое (в смысле обвинений) положение. Так замыкаются логические круги.

На весь мир я уже ославлен, как преступник - не устаю повторять - без всякой с моей стороны вины. А меня не видно и не слышно, точно я уже мертв или молчаливо сношу все гнусные обвинения, тогда как я хочу кричать на весь мир об этом заговоре против меня со стороны отпетых мерзавцев и обозленных их подпевал. Что же делать? Как быть?

Н. БУХАРИН.

Тов. СТАЛИНУ.

96

Членам ЦВ.

70

Дорогие товарищи!

Тов. Каганович, по вашему поручению, сообщил мне, что опубликование моего заявления прокурору Вышинскому вы считаете нецелесообразным, т.к. оно касается лишь одной стороны вопроса, а есть еще заявления Астрова и Слепкова.

Я писал только о троцкистах, ибо на процессе Астров не фигурировал никак. О Слепкове мне вообще ничего не было известно. Я о предметах, затрагивавшихся в показаниях Цетлина и Астрова, ничего не упоминал не потому, что я их якобы признаю (я и эти обвинения решительно отвергаю), а потому что я считал это невозможным с чисто-процессуальной точки зрения. Я не знаю, как же довести до сведения страны, что я то отвергаю все возводимые на меня коварные и кровавые наветы.

С комм.прив.

Н. БУХАРИН.

26 января 1937 г.